

ПАРАДОКСЫ КОНФЛИКТОФОБИИ ХАСАН Б.И.

В действительности если наше понимание нынешнего состояния психологии приближается к правильному, то проблема человека — это в конечном счете исследование конфликтов и парадоксов.

Т. Питерс, Р. Уотерман

Прикладная психология унаследовала проблему конфликта от этики и философии. Это обстоятельство во многом обусловило подход к ее теоретическому осмыслению и разработке средств ее практического разрешения. Генетические корни конфликта лежат, с одной стороны, в социальной нормативности (положим, что у животных конфликтов нет), а с другой — восходят к «ядру диалектики». Поэтому, видимо, наследнице оставалось лишь на своем предметном языке описать уже выделенное и определенным образом обозначенное явление. При этом психологи имели некоторую степень свободы в выборе методологических оснований и, казалось бы, перспективных стратегий в разрешении проблемы. Последнее замечание связано с тем, что несмотря на «диалектическое» происхождение (которое, кстати, начиная примерно с 40-х годов нашего столетия становится традиционным обоснованием всего лишь неизбежности конфликта и содержит призыв смириться либо даже извлечь пользу!) конфликту во всех исследовательских подходах, среди которых наиболее развитыми можно считать психоаналитическую и социально-психологическую традиции, была объявлена война.

Это положение в целом сохраняется и поныне. И новейшие психологические исследования проблемы конфликта, несмотря на их рассыпанность по разным социальным сферам (политика, педагогика, экономика, социология, семья, медицина и т. д.), представляют собой умножение вариантов дефиниций, классификаций, перечней причин и подходов и при этом не только продолжают оставаться в рамках отмеченных традиций, но и сохраняют агрессивное отношение к конфликту. То есть в целом считается, что это явление вредное (вызывающее деструкцию деятельности и негативные эмоциональные состояния), требующее детального исследования прежде всего для профилактики либо для определенной регуляции (коррекции).

Все это наводит на размышления об удивительном сходстве обыденных представлений и тех дескриптивных моделей, которые предлагают как зарубежные, так и следующие за ними отечественные исследователи. Однако возникает вопрос: нет ли в современной теоретической и практической психологии принципиально иного отношения к конфликту? В поисках ответа детальнее рассмотрим вышеупомянутые традиции.

Психоаналитическая традиция. Рискую существенно разойтись с достаточно распространенными оценками, замечу, что психоанализ, особенно в его классическом исполнении (З. Фрейд), не только представляется образцом блестящей теоретической спекуляции, но и является совершенно очевидным инструментом прикладной психологии. Фрейд, по сути, первым описал конфликт не только в целях понимания некоторого феномена, но и для построения определенной практики.

Конфликт — центральное понятие теории психоанализа и именно поэтому его описание заслуживает особого внимания. Фрейд дает до-статочно лапидарное определение: «Мы выводим расщепление психики не от прирожденной недостаточности синтеза душевного аппарата, но объясняем это расщепление динамически, как конфликт противоположно направленных душевных сил; в расщеплении мы видим результат активного стремления двух психических группировок одной против другой»*. И дальше совсем просто: «стремление «Я» отделаться от мучительного воспоминания наблюдается вполне закономерно».

Противоречие, породившее конфликт и в нем выразившееся, интересует психоанализ лишь постольку, поскольку необходимо очертить рамки поиска вытесненного. Причем похоже, что это

важно только, во-первых, теоретику как необходимое основание (подпорка) для описания механизма личностной деструкции или направленности и, во-вторых, психотехнику, но уже совсем в другом аспекте.

Если сравнивать психотехнические работы этой школы, то можно заметить, что основание конфликта, то есть причина борьбы слоев «Я», «Оно» и «Сверх-Я», имеет чисто номинативный характер и его вычленение зависит не столько от конкретного клинического случая, сколько от принадлежности к Школе. Если это наблюдение верно, то вся психоаналитическая традиция в трактовке конфликта фактически безразлична собственно к стоящему за ним противоречию. Вот очень занятное замечание Фрейда: «Вскрытие и вытеснение бессознательного происходит при постоянном сопротивлении больного. Выявление этого бессознательного связано с неприятным чувством, и вследствие этого неприятного чувства оно всегда снова отвергается. В этот конфликт в душевной жизни больного вы и вмешиваетесь: если вам удастся довести больного до того, что он, руководствуясь более правильными взглядами, примирится с тем, что вследствие автоматического регулирования чувством неудовольствия он до того отгонял от себя (вытеснял), то вы совершили известную воспитательную работу над ним»³.

О каком конфликте идет речь? Разве о том, в котором победило бессознательное? Нет. Тот уже разрешился в пользу бессознательного. Теперь психотехник способствует разрешению другого конфликта, в котором сознание «испытывает» давление-и «вынуждено сопротивляться». Собственно, теперь оно усилилось с помощью психотехника, задача которого организовать разрешение катарсисом. И вроде бы теперь, на этом этапе борьбы, уже и не важно, из-за чего она возникла. Важна победа через высвобождение энергии (катарсис). «Если перед «Я» стоит психологическая задача особой трудности, как, например, необходимость побороть печаль, подавить сильные аффекты, отгонять постоянно возникающие сексуальные фантазии, — пишет Фрейд, — то оно настолько бледнеет в отношении энергии, которой может располагать, что вынуждено свои усилия ограничить»⁴. Не значит ли это, что психоанализ сам был в конфликте, причем не с тем конфликтом, в котором, благодаря победе бессознательного, господствовал невроз и за которым стоят определенные противоречия, а с конфликтом сопротивления уже сложившейся формы переживания атак психотехники? За этим конфликтом можно, пользуясь дескрипциями Фрейда, распознать противоречие двух тенденций: сохранения энергии и за счет нее напряжения и канализации энергии (разрядка — катарсис).

Знаменательно, что сама психотехника в ее описаниях практически не меняется и не зависит от теоретических рассуждений ни у Фрейда (в переходе от либидозных оснований к агрессии), ни у К. Г. Юнга в его противопоставлении природного существа духу (архетипу)⁵, ни у А. Адлера в его идее компенсаторного движения как величайшего смысла жизни и творческой силы⁶. Такую же картину можно наблюдать и у неофрейдистов: К. Хорни, Г. Салливена, Э. Фромма⁷. Очень точно по этому поводу замечание Л. С. Выготского: «Создается впечатление, что психоанализ располагает каким-то каталогом сексуальных символов, что символы эти всегда — во все века и для всех народов — остаются одни и те же и что стоит на манер снотолкователя найти соответствующие символы в творчестве того или иного художника, чтобы по ним восстановить Эдипов комплекс, страсть к разглядыванию и т. п. Получается дальше впечатление, что каждый человек прикован к своему Эдипову комплексу и что в самых сложных и высоких формах нашей деятельности мы вынуждены только вновь и вновь переживать свою инфантильность, и, таким образом, все самое высокое творчество оказывается фиксированным на далеком прошлом. Человек как бы раб своего раннего детства, он всю жизнь разрешает и изживает те конфликты, которые создались в первые месяцы его жизни»⁸.

Означает ли это, что собственно техника психоанализа и его теория (или теории) представляют собой не органическое единство, где эмпирическое первое послужило основой для второго, а затем, получив свое описание, объяснение и обоснование, превратилось в прикладной научный

метод? И, следовательно, в одном случае мы имеем дело с описанием конфликта как актуального явления психической жизни, а в другом — с конфликтом как теоретическим конструктом, лежащим в основе рассуждений об источниках человеческой активности. Интересны оценки этой ситуации представителями современного психоанализа: «все, что можно было изучить, используя метод кушетки, Фрейд уже изучил. Настоящее и будущее психоаналитических исследований переносится в другую обстановку, в которой создается наука». «Я полагаю, — пишет далее Р. Валлерстайн, — что психоанализ — это наука, которая опирается на два разных исследовательских метода: на классический метод, оставшийся со времен Фрейда для психоанализа основным, и на позже возникший, более формализованный: психоаналитический подход к проблеме психотехники в ее глубинных проявлениях» 10. Ссылаясь на Дж. Клайна, Валлерстайн отмечает, что эта одновременная, не всегда понимаемая теми, кто ее допускает, направленность психоанализа на решение двух кардинально разных задач является главным источником существующих в нем путаницы и неясностей¹¹.

По сути, речь идет о двух разных методологических подходах, наличествующих в самом психоанализе. Причем именно подходах, а не сформировавшихся методологиях. Первый, обслуживающий прикладной психоанализ — психотехнику, сформирован и описан Фрейдом и без изменений наследуется всей школой. Вокруг второго — метапсихологического — начиная от ближайших учеников фундатора и до сего времени не утихают споры. Современное состояние психоанализа свидетельствует, что от былой сосредоточенности на психологических проявлениях сексуальности, агрессии, компенсации он все более обращается к рас-смотрению и множества других мотиваций, превращаясь постепенно в своеобразную психологию смыслов и решений, возникающих при кризисах личной жизни индивида.

Таким образом, традиционная психоаналитическая концепция представляет человека как имеющего конфликтную природу. При этом основой конфликта представляются слои самой личности. Конфликт для человека является не случайным состоянием, а сущностным. Вместе с тем в методологических основаниях как прикладного, так и теоретического подхода, строго говоря, нет понятийной схемы собственно конфликта. Он всякий раз обсуждается как состоявшийся, причем (в психоанализе это — ядро) — неизбежно! В описаниях Фрейда обращает на себя внимание надделение внутриличностных тенденций субъектностью. Так, «Я», «Оно» и «Сверх-Я» у него выступают как отдельные человечки-гомункулы, образуя очень удобную для терапевтических (психотехнических) апелляций и описаний схему взаимодействия — картину, в которую, как в человеческую компанию, может вмешаться терапевт, солидаризуясь с одним участником взаимодействия, оснащая его средствами для победы в борьбе. Поскольку же без вмешательства извне побеждает всегда «Оно», психотехник, разумеется, всегда выступает на стороне «Я», мобилизуя третьего участника.

Отсюда — важнейшие методологические положения, которые, по- видимому, незаметно переключались и в метапсихологию психоанализа.

1. Конфликт есть столкновение двух антагонистических сил, которые не могут не столкнуться.
2. Эти силы обозначены совершенно определенно: «Сверх-Я» и «Оно».
3. «Я» выступает как разрешающее этот конфликт вытеснением идущей от «Оно» тенденции, а затем переживающее непонятные для него (то есть для «Я») последствия неадекватного разрешения.
4. Исход конфликта однозначен и индивидуально вреден, так как связан с потерей «Я» контроля за собственным поведением.

5. Психологическое воздействие также однозначно, так как всегда имеет дело уже с разрешившимся реально в пользу бессознательного конфликтом и должно оказать помощь переживающему поражение «Я», то есть устранить негативные последствия конфликта.

Простота схемы очень симпатична и притягательна, так как, копируя феноменологию весьма распространенных ситуаций, вполне доступна обыденному сознанию. Отсюда возможно (выскажусь пока осторожно) приписывание пациенту в процессе интроспекции того или иного мотива в зависимости от метапсихологической ориентации психотехника, который вмешивается в ситуацию уже как бы вторичного конфликта, порожденного неудачным разрешением первого. В этом случае психотехнику, строго говоря, неважно, из-за чего возник первый конфликт (какое противоречие лежало в его основе), он должен организовать снятие катарсисом переживания второго. Снятие здесь ключевое слово, так как в психоаналитической традиции, по сути дела, не идет речь о разрушении противоречия, лежащего в другом слое, нежели конфликт.

Возможно, развитие психоанализа как науки философского направления приведет эту школу к необходимости не линейного, не одноплоскостного рассмотрения конфликта, с неоднозначно заданными сторонами. И здесь уже вряд ли удастся найти решение (в смысле определить путь дальнейшего развития), оставаясь в рамках предмета. Не это ли имел в виду К. Ясперс в своем туманном замечании: «Граница между научным знанием и философским проявлением лежит там, где предмет уже не осмысливается в виде психологической реальности, а медиум процесса трансцендирования сделан неприметным» | 2?

Итак, настоящее состояние психоаналитической школы в подходе к конфликту как к центральному понятию в своей теории и практике, к сожалению, представляется мало продвинутым с точки зрения проработки методологических оснований для современных прикладных научных исследований и разработок. Уточню свою позицию в этой части: 1) психоанализ как психотехника не способствует автономизации человека, наоборот, здесь в перспективе неизбежна зависимость от психотехника; 2) главное в прикладном аспекте — разрешение противоречия через конфликт — подменяется разрешением, а точнее, снятием даже не конфликта, а его психологического фона — переживанием; 3) отсюда в теории психоанализа на современном этапе по-прежнему ведущими являются эволюционистские экзистенциальные тенденции и отсутствует идея развития.

Социально-психологическая традиция. Современная социальная психология в обсуждении проблемы конфликта вплотную сомкнулась с социологией и прежде всего — английской и американской, во многом четко следуя социологическим методологическим традициям. Разумеется, необходимо учитывать и ряд «принципиальных идеологических» расхождений, которые скорее декларативны и выступают всякий раз как прелюдия к исследованию и процедура отрешивания от «буржуазных» подходов. Основной предмет критики со стороны советских социологов, а вслед за ними и многих социальных психологов обозначен как смешение механизмов межгрупповых, межличностных и внутриличностных конфликтов, попытки западной исследовательской мысли онтологизировать конфликт безотносительно к содержанию породившего его противоречия и генезису последнего. Вот характерное замечание по этому поводу: «Специфика социального конфликта вскрывается посредством вычленения его объективной и субъективной сторон, которые в своей совокупности и определяют его качественную природу. Но если марксизм подчеркивает решающее значение материально-экономической основы социального конфликта, то западные социологи склонны абсолютизировать роль чисто субъективных моментов» | 3. Присоединяясь в основном к приведенному тезису, хочу подчеркнуть странную, на мой взгляд, попытку положить одним критическим ударом всех западных социологов. П. Иванов добавляет к ним и психологов, упирая на игнорирование в исследованиях конфликта социального содержания, излишний психологизм и т. д. 12 13 14

Современные социально-психологические исследования и разработки проблемы конфликта на Западе имеют богатые традиции и очень разнообразны. В отличие от советских психологов западные исследователи весьма серьезно отнеслись к изучению этого социального явления. Отсюда попытки создать общую теорию конфликта, огромное количество монографий, специальных журналов, статей. И все это на фоне лишь отдельных и достаточно частных обсуждений советских психологов, значительная часть работ, которых, кстати, посвящена анализу западных текстов. В то же время отечественные разработки совершенно спокойно укладываются в те направления, которые так или иначе уже заданы на Западе, и выполняют лишь приспособительную, адаптационную функцию, воспроизводя историю с тестологией.

Делая попытку избежать этой участи, придется все-таки произвести некоторую обобщающую работу для выделения тех методологических оснований, на которых строится современная социально-психологическая конфликтология. Для этих целей можно обозначить два основных подхода к исследованию конфликтов: 1) дескриптивное моделирование основных феноменальных характеристик конфликтов и попытки оформления общей теории; 2) функциональный подход с выделением типов, стратегий и результатов для участников и их отношений.

Представители первого направления, по-видимому, следуют примеру К. Левина, который обсуждал одновременно действующие противоположные силы равной величины. Векторный топологический схема-тизм, предложенный Левиным, предельно прост и, конечно же, схватывает общее существо явления безотносительно его субъективного и содержательного наполнения (это уже следующие уровни) 15. Вслед за ним К. Боулдинг утверждает, что все конфликты имеют общие элементы и общие динамические формы, а следовательно, изучение и описание этих общих элементов может представить феномен конфликта в любом его специфическом проявлении. По Боулдингу, в процессе взаимодействия двух или более единиц возникает напряжение, движение в общее бихевиоральное поле и вовне его. Регулируют взаимодействие две посылки: конфликтная, существующая при несовместимости целей в общем бихевиоральном пространстве, и посылка сотрудничества¹⁶. Такого же типа ход делает Р. Дарендорф: «Социальный конфликт — любое соотношение элементов, которому присущи объективные («скрытые») или субъективные («явные») противоположности. Конфликт называется социальным, если его можно вывести из структуры социальных единиц, то есть если он наиндивидуален» 17 18. Здесь мы имеем чисто мыслительные схемы, основанные, конечно же, на феноменологии и богатой эмпирии, но, за исключением некоторых деталей в рассуждениях Дарендорфа, все они надпредметны и представляют собой формальные идеализации, в которые можно положить все что угодно. В отличие от целого ряда критиков с негативным уклоном очень хочется заметить: «Ну, что же в этом плохого?». Нужно просто сделать следующий методологический ход и ответить на вопросы, в хорошем контексте заданные Ф. Е. Василюком: «что именно сталкивается в конфликте и каков характер этого столкновения?» | 8. К сожалению, далее Василюк предлагает вновь пути интерпретаций и не очень понятного синтеза весьма разных теоретических предметных подходов.

Интересные попытки собрать в рамках социальной психологии общую дескриптивную модель конфликта предпринимались и советскими исследователями: А. А. Ершовым, Л. А. Петровской, Ф. М. Бородинским, Н. М. Коряк 19. Склонность положить в качестве методологического основания для разработки проблемы адекватную предмету понятийную схему вызвал в свое время соответствующую попытку и у автора этой статьи.

В рамках первого направления можно рассматривать и теоретико-игровую школу, основателями которой по-видимому, следует считать Т. Шелинга и В. Рапопорта. В моделях этой школы с особенной яркостью проявилось игнорирование содержания конфликта и его онтогенеза 21. Для изучения конфликта и его описания предлагаются игровые математизированные модели задач на выбор оптимальной стратегии выигрыша. Благодаря возможности предельно абстрагировать и

таким образом рафинировать процесс столкновения эта школа получила большое число последователей — экспериментаторов и моделирующих теоретиков. Первое направление в итоге вылилось в практику деловых игр²². Второе явилось хорошим основанием для разработки типологии стратегии и поэлементного анализа формальных моделей конфликтных ситуаций²³.

Так или иначе весь этот подход в целом претендует на общетеоретическое обеспечение практической работы в области конфликта. Не ставя перед собой цели определения возможной степени прикладности теоретических дескрипций, попробую определить общее отношение к конфликту в этом подходе, поскольку это в значительной мере определяет выбор методологических оснований исследования и разработок. Каковы же ясные цели или интенции такой работы? Посмотрим несколько характерных замечаний.

«Мы живем в такое время, когда конфликт, особенно международный, угрожает вырваться из-под контроля и уничтожить нас. Поэтому теория конфликта имеет практическое и даже жизненное значение»²⁴.

«Природа конфликта такова, что для того, чтобы от него избавиться или хотя бы уменьшить его интенсивность, требуется изменить либо окружение, в котором он развивается, либо доведение одной или нескольких конфликтующих сторон»²⁵.

«В вооруженном (имеется в виду оснащенность участников рефлексивными средствами. — Б. Х.) человеческом конфликте можно различать цели разных степеней значимости. Например, «глобальная цель» может заключаться в том, чтобы разгромить противника и овладеть его территорией. Эта цель формируется до начала конфликта и может сохраняться до его конца. Частная цель, стоящая перед сравнительно небольшой единицей ударных сил, может состоять в том, чтобы, например, выйти к такому рубежу. Эти частные цели возникают в процессе конфликта как следствие отражения некоторой локальной ситуации на планшете и один из противников может использовать построения системы рефлексивного управления».

Нетрудно заметить, что во всех приведенных тезисах конфликт обсуждается, во-первых, в терминах военных действий (особенно у Ле фсвра), и это характерно для всех «игровиков», во-вторых, как проти-воположная сторона в этих военных действиях, то есть та, с которой ведется борьба. Таким образом, мы всякий раз имеем теоретическое описание противника, а не, строго говоря, объекта исследования. Этот момент я хочу особо подчеркнуть как принципиальный.

Второй подход характеризуется прежде всего достаточно строгой предметной определенностью. В наибольшей степени он аккумулирован в работах М. Дойча, Л. Козера, Ю. Тоузарда, Дж. Бернард и др. Пожалуй, этот подход пользуется и наибольшей популярностью у советских социальных психологов. В этом русле выполнены исследования Н. Н. Крогиуса, Н. В. Гришиной, А. А. Ершова, В. А. Соснина, Т. А. Полозовой, Н. И. Фрыгиной. Именно в нем осуществлено большинство прикладных разработок в области исследований социально-психологических проблем коллектива, семьи, педагогики.

Здесь характерна прежде всего типологическая работа, связанная с анализом, с одной стороны, эмпирических оснований (онтогенеза) случающихся конфликтов, с попыткой максимального охвата всей возможной феноменологии явления, а с другой — с выделением характеристик участников и увязыванием всего этого с формами протекания конфликтного взаимодействия и возможными исходами. В качестве образца такого подхода выступает попытка синтеза с достаточно широким охватом материала (см. табл.).

Типологии конфликтов

Уровни	Структурные элементы конфликтов
--------	---------------------------------

исследования конфликтов	Участники	Источник, причины, цель	Формы взаимодействия (динамика)	Формализация и социальная среда	Последствия
Социально-философский	Общественно-экономические формации, классы	Противоречия между способом производства и общественными отношениями	Единство и борьба противоположностей. Эволюция. Революция	Уровень развития науки и техники. Общественно-политическая надстройка	Смена общественно-экономических формаций
Социологический	Большие общественно-этнические группы. Государства, нации	Классовые, этнические противоречия. Типологические характеристики общностей	Отдельные выступления. Бунт. Переговоры. Революционная борьба	Материально-социальные интересы и другие ресурсы	Изменение или не изменение позиций в социальной структуре
Социально-психологический	Организации. Группы. Диалог	Объективные противоречия материального производства	Регулируемая. Нерегулируемая. Мирная. Агрессивная.	То же	Изменение материальных условий позиций. Эскалация конфликта
Индивидуально-психологический	Индивиды	Противоречия типа субъективное-объективное; индивидуальное-общественное; индивидуальное-типологическое.	Уход, компромисс, принуждение, сглаживание, конфронтация	То же	Достижение или недостижение цели

Подобные схемы встречаются практически в каждой работе этого направления. Они очень удобны, поскольку в табличном варианте (жаль, что в плоскостном, а не в объемном) позволяют соотносить тип конфликта, проявившийся феноменально в описанных признаках, с типичными формами поведения сторон, прогнозировать возможные последствия в определенном диапазоне и, самое главное, связывают конфликтное проявление с областью содержательных противоречий. В этом смысле предлагаемые типологии и классификации представляют собой образец формализации эмпирического исследовательского результата и возможность статистического распределения данных последующих исследований. Основаниями для классификации обычно выступают источник конфликта, его содержание, значимость конфликтных факторов, структурно-динамические характеристики (интенсивность, длительность и т. п.), функциональные последствия, степень институционализации и др.

Надо отметить, что данное направление не изолировано от предыдущего (что хорошо видно по таблице). Особенно это касается дефиниции конфликта, которая здесь тщательно обсуждается и в большинстве случаев прямо, текстуально связывается с причинами, его породившими: «Конфликт в собственном смысле слова есть борьба, возникающая из-за дефицита власти, статуса или средств, необходимых для удовлетворения ценностей и притязаний, и предполагающая нейтрализацию, ущемление или уничтожение целей противника» .

Практически все представители данного подхода по ряду вопросов проявляют исключительное единодушие. Так, достаточно развернуто определен круг проблем, порождающих конфликты. Можно считать канонизированными и стратегии поведения в конфликте, обычно формулируемые так: конфронтация, переговоры, компромисс, избегание, уход (М. Дойч); соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание, приспособление (К- Томас). Сконструированные в этом подходе исследовательские лабораторные экспериментальные методы также работают в типологическом режиме. Появляются соответствующие типы личностного поведения в конфликте, устанавливаются корреляционные зависимости для целей прогнозирования поведения и исходов конфликта. Прикладное значение разработок в данном направлении четко выразилось в двух

областях: 1) методическое оснащение исследователей; 2) коррекция в практических ситуациях и социально-психологический тренинг, ориентированный на развитие специальных умений.

Вместе с тем применение лабораторного эксперимента все время сталкивается с известными методическими трудностями. Во-первых, это достаточно жесткое ограничение уровней интенсивности конфликтных условий, которыми можно варьировать в лаборатории, исходя из практических и этических соображений. Во-вторых, ограничение видов конфликтов. В-третьих, в экспериментах весьма относительно представлена когнитивная и эмоциональная оценка участниками конфликта степени потенциальной угрозы или трудности в означенной конфликтной ситуации.

Построение коррекционных воздействий имеет свои особенности. Так, в «дискуссионных рабочих группах» Р. Ликерта психолог-консультант «способствует процессу групповых взаимодействий, обеспечивает разработку групповых норм для конструктивного обсуждения и разрешения групповых конфликтов, выступает как источник социально-психологических знаний членов группы». Здесь чувствуется явное предпочтение стратегии «сглаживания-снятия» или, что еще лучше, недопускания конфликта. По сути, эта же идея является ведущей в тренинговом подходе, где происходит персональное или групповое оснащение способами-навыками эффективного поведения в уже случившемся конфликте или лучшего (с меньшими затратами) переживания самого инцидента или его последствий.

Попытки искать причину такой однобокости снова приводят к анализу отношения самих исследователей к явлению конфликта. В этом пункте во втором подходе нет единства.

Уже в 1942 году М. Фоллет достаточно резко замечает: «Сам по себе конфликт как факт различия мнений, интересов, стремлений людей не может быть ни плох, ни хорош, и рассматривать его следует, отбросив этические предрассудки. Поскольку конфликта не избежать, надо его использовать (курсив мой. — Б. Х)». И дальше — новая стратегия конфликтного поведения: «интеграция, когда находится такое решение, при котором выполняются оба желания и ни одна из сторон при этом ничего не жертвует. Именно интеграция открывает принципиально новые возможности конфликта. В основе интеграции ясное и открытое выявление всех различий, вычленение наиболее существенных противоречий, уяснение используемых понятий и т. д.». Несмотря на сказочность сюжета по сравнению со всем предыдущим знанием о конфликте нужно заметить, что суждение смелое и безусловно перспективное, хотя автор описывает лишь один тип конфликтной ситуации: в организации при условии принятия административного решения третьим лицом. Описываемая М. Фоллет схема для того времени и даже для соответствующих ей феноменов, конечно же, идеалистична. Но ведь тогда не было таких представлений о рефлексивных техниках — они появились значительно позже.

Можно считать, что с этого момента конфликтология сделала серьезный шаг в своем развитии, не просто поставив под сомнение однозначно деструктивную функцию конфликта, но прямо указав на его позитивную роль и положительные следствия. В этой части преимущественно замечалась диагностическая функция конфликтов. «Их главным позитивным итогом, — пишет А. И. Донцов, — является необходимо происходящая в процессе конфликта объективация предметно-деятельностной основы межличностных коммуникаций. Такая объективация служит предпосылкой оптимизации функционально-ролевой структуры трудового коллектива и, как следствие, повышения эффективности совместной деятельности». Интересно заметить, что наиболее позитивно относятся к конфликту социальные психологи, работающие над проблемами организации. Так, в американской социальной психологии появляется следующая логика:

В конфликте должны быть выигравший и проигравший (победитель и побежденный).

Я не должен проиграть.

Значит, проиграть должен ты.

Но проигравшие могут причинить неприятность и представляют собой угрозу.

Следовательно, если ты выражаешь недовольство своим проигрышем, — ты есть зло.

Рассматривая возможность такой стратегии разрешения конфликта, А. Филлей обсуждает вариант так называемых «выигрыш-выигрыш» методов. «Соглашение достигается в опорной ситуации, когда принято высококачественное решение, не встречающее возражений. Типичные правила действий в этом варианте предполагают, что участники прежде всего стремятся победить проблему, а не друг друга, что они избегают торга или усреднения, что они ищут факты для решения дилеммы; что они принимают конфликт как полезный, считая, что он не вызовет угрозы или обороны; и они избегают на себя ориентированного поведения, игнорирующего чужие потребности или позиции».

Итак, можно констатировать, что часть практически ориентированных социальных психологов покинула лагерь врагов конфликта и весьма осторожно пытается обсуждать его полезность, но пользуется при этом все же старым методологическим багажом. Именно это обстоятельство, на мой взгляд, серьезным образом тормозит изменение ситуации в прикладной психологии. Особенно это касается исследований и разработок, анализирующих развитие кооперативных форм деятельности.

Нетрудно заметить, что во втором подходе, несмотря на все его многообразие (здесь можно было бы выделить множество школ, но это не входило в задачу статьи), так же как и в первом, конфликт рассматривается как явление уже случившееся, неизбежное. Участники в него попадают как бы неожиданно для себя. Исследователи не проводят четкого разделения уровней конфликта и породившего его противоречия, которое действительно неизбежно: «жизнь... есть. существующее в самих вещах и процессах, непрерывно само себя порождающее и себя разрешающее противоречие, и как только это противоречие прекращается, прекращается и жизнь, наступает смерть»³⁶. Отсюда и дальше нет четкого различия: где разрешается конфликт, снявший противоречие и имеющий как бы самостоятельную жизнь и форму, а где разрешается породившее конфликт противоречие и таким образом делается шаг в развитии системы. Это обстоятельство порождено, по-видимому, тем, что в предметном подходе исследователи наблюдают либо внешне выраженную феноменологию конфликта, либо должны опираться на психофизиологическую диагностику или интроспективные изыскания. Всякие попытки всерьез обратиться к генезису процесса, в одном из пунктов которого появляется конфликт, приводят к необходимости выхода за рамки предмета. И еще одно принципиальное замечание. Наблюдая конфликт извне, психологи почему-то всегда стремятся разрешить его изнутри, не выходя за границы собственно конфликтной ситуации и обсуждая только пользу ее участников. В конкретных прикладных психологических исследованиях чаще всего обсуждается польза сиюминутная, та, которую так или иначе имели в виду участники в момент попадания в конфликт. Может быть, следует рассматривать и ту пользу, которая появится за разрешением конфликта и о которой его участники еще не знают? Может быть, эта польза лежит совсем в иной плоскости, нежели конфликт? К этой проблеме выходят психологи, работающие с организациями, но им явно мешают сложившиеся традиции.

Хроническая боязнь конфликтов очень тяжело сказывается на такой стратегической области, как педагогика. Ярким образчиком разработок под лозунгом конфликтофобии можно назвать сборник научных трудов «Конфликты в школьном возрасте: пути их преодоления и предупреждения» (М., 1986). И совершенно иной подход, и соответственно иная педагогика отражены в книге «Детский сад в Японии» (М., 1987). Японские воспитатели смело идут навстречу конфликту, в ряде случаев, не побоюсь этого слова, инспирируют его, строя на его разрешении воспитательное воздействие и организуя присвоение норм. И хотя в этом сборнике не приводятся

теоретические предпосылки подобной эмпирии, надо полагать, что они глубоко лежат в культуре педагогической работы. В психологическом плане такие основания четко сформулировал В. С. Мерлин: «Развитие и разрешение конфликта представляет собой острую форму развития личности. В психологическом конф-икте изменяются прежние и формируются новые отношения личности; изменяется сама структура личности. Более того, психологический конфликт — необходимое условие развития».

В этой связи можно сделать несколько конструктивных ходов.

1. В дополнение (а не в. отвергание) к уже существующей практике необходимо отказаться от представлений о конфликте как о только естественном и неизбежном явлении. В прикладной психологической работе можно во многих случаях специально способствовать развитию противоречия в конфликт. ,
2. Разрешение конфликта ни в коем случае нельзя рассматривать ни как феноменальное исчезновение инцидента, ни как изживание негативного отношения или переживания. Это нужно оставить терапевтически ориентированной психологии. В конструктивном подходе разрешение заключается в снятии способа разрешения и выходе на качественно новый уровень противоречия. Здесь важна рефлексия как психологическая техника.
3. Изучение конфликта в новом подходе представляет собой исследование возможностей и техник проектирования, конструирования и реализации конфликта как средства развития человека и коллектива .

По сути дела, речь идет о таком типе разработок, в котором были бы выработаны механизмы проектирования строительства и перестройки мышления и деятельности, всей жизни человека. Понятно, что это не-возможно осуществить в рамках одного предмета. По-видимому, здесь, на сложном стыке диалектической логики, психологии, педагогики, управления рождается новая область человеческой практики — антропо-ехника